

Второе рождение

11-97

Немногие пьесы впишутся в афишу Московского музыкально-драматического цыганского театра «Ромэн». В том и уникальность его, и сложность репертурного бытия. Не всякому спектаклю суждено долголетие. Зато уж если этот театр достигнет успеха, то таких цыганских откровений вам не забыть до последнего своего часа. «Знаете, — говорит герой повести Н. С. Лескова «Очарованный странник», — их пение обыкновенно достигательно и за сердце трогает»...

Лидер цыганского театра Николай Сличенко в свое время защитил режиссерский диплом постановкой пьесы И. Штока по этой повести. Пьеса называется «Грушенька». Спектакль, по общему признанию, получился и четверть века украшал ромэновскую афишу, но сам Сличенко с годами открыл нечто новое в глубинах великого произведения и решился на иную художественную версию.

Новый спектакль оказался настолько целостным, что не нашлось места, где бы можно было прервать его для антракта. Он идет чуть более полутора часов на едином дыхании театра и зрителей. В превосходных декорациях Э. Стенберга с мирикусснисческой щедростью красок и национальных орнаментов заявлено, что все события «Очарованного странника» здесь рассматривают через цыганскую призму.

«Бывший конэсер Иван Северьянович, господин Флягин» в исполнении А. Титова — портрет и характер, вышедшие непосредственно из страниц повести. Он начинает свой исповедальный рассказ не на палубе парохода, идущего к острову Валаам, а на коротком опросе в монастыре. На вопрос, что же привело его в иноки, этот богатырский стати человек по прозвищу «Голован» отвечает не словами, а долгим воплем...

В памяти его вырисовывается образ цыганского хора. Сличенко-режиссер остается верен тому пониманию культуры своего народа, которое художественным откровением предстало в его постановке толстовского «Живого трупа», в сцене «У цыган». Есть сдержанная страсть в пении и танце, которые ничего общего не имеют с холуйским желанием угождать трактирным завсегдатаям, есть покоряющий, изысканный по вкусу сплав ребяческой увлеченности и гордого достоинства. Цыгане ни под кого не подстраиваются — они властно вводят гостей в свой мир и царят там, владея их душами. Толстой и Лесков хорошо поняли цыган — Сличенко чутко вошел в художественный заговор с великими писателями земли русской...

Прекрасны народные сцены «Грушеньки»... Остается в памяти Н.

Шишков в небольшой, но драматически сконцентрированной роли старого цыгана Василия Ивановича, отца Грушеньки. Артист нашел негромкую, горькую тональность человека, осознающего дорожку жертву, которую должен принести ради спасения судьбы своих соплеменников.

Важная фигура в повести и спектакле — Князь. С. Сураков ни в чем не противоречит общей характеристике своего героя, «Князь был человек добрый, но переменчивый». Однако, как говорил классик русской критики, «талант имеет священное право быть односторонним», значит, некого винить в том, что в актере слишком глу-

ской — личность загадочная и притягательная. В сцене первой встречи с Голованом она появляется в белом платье с летящими рукавами и полами — поистине лебедушкой. Парящая пластика ее рук, каждое движение танца, лишенное площадной зазывности и вульгарности, выдает существо чистое, как весеннее утро. Да ведь сам Лесков настаивал на том, что не приемами женского обольщения, а именно «красотой и талантом уязвила» она и Князя, и Голована, да и всех прочих гостей хора. Понятно, что актриса молода и не все может. Но во время спектакля я видел тот редкий и счастливый случай, когда

личности персонажа и исполнительницы слились в одно целое, не оставляя места актерской игре: эти — загадочность, предчувствие беды, постоянная борьба с тяжелыми перепадами настроения — кажутся качествами самой Ольги Янковской. Ясно, что на это нацеливал актрису режиссер, и ей удалось добиться той степени искренности, которая в такой роли дороже самого филигранного мастерства.

Природная артистичность помогает молодой актрисе верно и тонко взаимодействовать с очень важным и опасным партнером — музыкой. Вот в чистую, ничем не замутненную атмосферу вкатился и пропал трагический аккорд, на мгновение дрожью пронзивший Грушеньку. Янковская глядит удивленно: что это, откуда, почему в такой светлый и спокойный вечер... Но вот, узнав о притеснениях властей, цыгане исполняют песню — плач, и это касается уже не только частной истории попавшей в княжеские любовницы Грушеньки и даже не отдельно взятого хора с его несчастной судьбой, но всей многовековой проблемы цыганского народа. Дважды в спектакле повторяется трагический вопль-плач, потрясая души зрителя, оставляя

долгую память и желание говорить об этом после спектакля. На столь же высокой эмоциональной ноте и с такой же пронзительной сыновней болью Сличенко поставил когда-то сцену расстрела цыган гитлеровскими фашистами...

Музыка то входит в лад с душевным состоянием героев Лескова, то звучит диссонансом или мудрым комментарием к действию. Грушенька трагически мечется в поисках смерти, между ней и Голованом — жесткий, мажорный диалог, а на всем его протяжении звучит скрипка с лирической мелодией любви...

«Молись!» — требует Голован, решаясь помочь гибели девушки, избавить ее от страданий. Она трижды крестится, но руки вдруг сами по себе произвольно плывут в воздухе, а каблук (так кажется) будто выбивают такт плясовой...

Вызов, брошенный смерти от имени жизни, — последнее впечатление, с которым мы выходим из театра под мокрый снег в хрупкость и зыбкость нашего бытия, где есть еще место любви и надеждам.

Александр КРАВЦОВ

Сцена из спектакля. Грушенька — О. Янковская.

боко поселилось амплуа «простака».

Осторожно, с опаской, подбираюсь я к разговору о главной героине спектакля, Грушеньке. Что бы там ни было, какие бы замечательные вещи ни вносили в действие режиссер, художник и другие актеры, успех дела венчает качество исполнения Грушеньки.

Сличенко предложил театру поэтическую притчу, музыкой, призрачностью появлений и исчезновений эпизодов, несколько приподнятой манерой актеров говорить размеренной, так называемой «орнаментальной» прозой, образовав особую среду, игру быстро сменяющихся атмосфер. Актеры, общаясь друг с другом, играют по системе «треугольника», через посредника — зрителя. Помню, как блистательно владела этим приемом Светлана Янковская — незабываемая Маша в «Живом трупе».

И вот на сцене перед нами другая дочь талантливой цыганской семьи — Ольга. Хрупкая, юная, улыбается она, хоть и ослепительно, но редко, а в глазах, совсем неулыбчивых, навеки поселилась печаль. В этом смысле она — дочь своего отца, вожака цыганского хора. Грушенька у О. Янков-

248